

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР

ЛБ53—
76

Т Р У Д Ы
ИНСТИТУТА ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

ТИЛ ЖАНА АДАБИЯТ
ИНСТИТУТУНУН ЭМГЕКТЕРИ

ВЫПУСК

VI

ЧЫГЫШЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
Фрунзе — 1956

В. В. РЕШЕТОВ

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ УЗБЕКСКИХ И ЮЖНЫХ КИРГИЗСКИХ ГОВОРОВ

Недооценка значения диалектологии как науки, изучающей живые говоры и диалекты того или иного национального языка, нередко принимает самые крайние формы. Между тем, едва ли нужны доказательства, что без углубленного изучения особенностей говоров и диалектов нельзя обеспечить выполнение многих фонетических и лексико-грамматических тем, решать вопросы, связанные с определением диалектной основы литературного языка. Нельзя сколько-нибудь серьезно осветить вопросы этногенеза данного народа, не привлекая при этом показаний живых говоров и диалектов. Живой разговорный язык весьма часто доносит до нас факты, подчас не зафиксированные памятниками материальной и духовной культуры данного народа. Это обычно выпадало и выпадает из поля зрения историков и этнографов.

Особенно велика роль диалектологии в тюркоязычных республиках, в части из которых широко представлены говоры и диалекты. Такое положение оказывается очень выгодным для диалектолога, открывая перед ним широкие возможности всестороннего изучения особенностей говоров и диалектов, но оно же является и главным тормозом при решении целого ряда практических вопросов орфографии и терминологии. Убедительным примером в этом отношении может служить орфографическая и терминологическая практика в Узбекистане, где, несмотря на имеющийся многолетний опыт, до сих пор не утверждены свод орфографических правил и основные принципы терминологии узбекского языка.

Внедрение в тюркологию сравнительно-исторического метода позволяет вести в республиках исследования в широких масштабах, выдвигать для научного решения проблемы, касающиеся не только близкородственных, но и дальнеродственных тюркских языков. Но постановке проблем в общетюркологическом плане должно, естественно, предшествовать предварительное всестороннее изучение особенностей каждого конкретного тюркского языка в отдельности и во всех его лингвистических аспектах. Такая работа и проводится сейчас в республиках, особенно интенсивно в Киргизии и Казахстане.

Узбекский язык, как определенная сумма говоров и диалектов, также заслуживает всестороннего углубленного изучения потому, что в отдельных его говорах и диалектах отчетливо прослеживается перекрещивающееся языковое взаимодействие, происходившее в истории формирования узбекского национального коллектива между представителями раз-

личных тюркских родо-племенных групп. Это обстоятельство дает возможность применять сравнительно-исторический метод при изучении диалектного комплекса узбекского языка, не выходя за пределы самого узбекского языка, чего, впрочем, мы не находим в других среднеазиатских республиках и в Казахстане. А если учесть, что своеобразная историко-лингвистическая ситуация на территории нынешнего Узбекистана не только привела к образованию сложного тюркского компонента, но и к многовековому языковому контакту с инотюркскими этническими элементами, интерес к диалектологической карте узбекского языка еще больше возрастает.

Изучая сложный диалектный комплекс узбекского языка в сравнительно-историческом плане, нетрудно обратить внимание и установить определенную сумму лексико-грамматических и фонетических явлений, общих отдельным узбекским говорам и диалектам и территориально-смежным тюркским языкам. В одном случае историко-лингвистические данные позволяют делать выводы относительно этнического родства между известной частью узбеков и казахов, узбеков и каракалпаков, узбеков и уйгуров, узбеков и туркмен, а в другом случае можно говорить лишь о генеалогических отношениях или генетическом родстве, имея в виду лишь связи по линии некоторых общих языковых показателей, а не кровное антропологическое или этническое родство. Так обстоит дело с некоторыми узбекскими говорами и киргизским языком.

Киргизский язык в истории своего действительного становления впитал в себя отдельные элементы той тюркской языковой общности, которая лежит в основе узбекского и уйгурского языков. В историческом же плане киргизский язык связан с письменными древнетюркскими памятниками, прежде всего с орхоно-енисейской письменностью тюрков. Близкородственные языковые связи обнаруживаются между киргизским и горно-алтайскими языками.

Несмотря на все это, киргизский язык оказался более монолитным, чем карлукские говоры узбекского языка, исторически представляющие одну линию развития с уйгурским языком, или кыпчакские говоры узбекского языка, рассеянные по всему Узбекистану и отличающиеся в силу этого известной диалектной пестротой.

Этническое родство и генетические языковые связи, прослеживаемые между представителями узбекских говоров и территориально смежных тюркских языков, объясняются рядом исторических причин. Одной из них, к тому же, видимо, наиболее существенной, является наличие родственных отношений, подтверждаемых существованием у среднеазиатских тюркских народов, да и не только у них, общих родо-племенных групп с единой номенклатурой. Часто совпадают не только родо-племенные наименования, но и мельчайшие подразделения, что мы наблюдаем у части узбеков и казахов, узбеков и каракалпаков. Не может, видимо, считаться случайным и наличие общих родовых наименований у узбеков и киргизов. В качестве примера можно указать на род катаган (род, безусловно, узбекский), но катаганы оказались и в Киргизии, в районе Кочкорки, о которых говорит проф. И. А. Батманов в работе «К генезису диалектов киргизского языка» (Труды ИЯЛИ КирФАН СССР, вып. I, 1944, стр. 59).

Некоторые исследователи сближают катаганов с киргизами, утверждая, что узбеки рода катаган состоят в непосредственном родстве с киргизским родом катаган, который является отделением племени саяк. По этому вопросу можно высказать и такое предположение, если удовлетвориться тождеством названия «катаган» у тюркоязычных народов и

считать, что произошло дробление некогда единого племенного союза «катаган», отдельные группы которого вошли впоследствии в более мощные племенные объединения, но можно и возразить, если исходить из самого содержания слова «катаган». Это слово означает «объединившийся» и могло, видимо, совершенно независимо возникнуть у различных тюркских племен для обозначения союза нескольких родов или даже племен.

Приведу другой пример, касающийся больше казахов и киргизов, но интересный и в данном случае в связи с наличием сосуществующих родовых подразделений, а частично и в связи с ичкиликами, замечание о которых сделаем ниже.

В Ташкентском оазисе есть род шаншклы (чаншклы), который не входил ни в один из казахских жузов. Правда, Аристов относил шаншклов (чаншклов) к старшему жузу, но тут же подчеркивал, что происхождение их в точности неизвестно («Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности». «Живая старина», вып. III, 1896, стр. 351).

В числе подразделений рода шаншклы встречаются названия, позволяющие сблизить их с киргизами. Так, например, подразделение тогузак, джамгурчи есть у шаншклов и у киргизов рода солто (в районе Фрунзе), подразделение кара есть у сары-багышей (район Пржевальска), у шаншклов — подразделение сольпибай, у киргизского рода сару по р. Куркурё-Су есть подразделение сольпи; у шаншклов — подразделение аганай, у киргизов рода сару в Джалал-Абадском районе есть подразделение агынай; подразделение хыдырша есть у ичкиликов по р. Куршабу, подразделение саспага — у шаншклов, а подразделение сасбак — у сары-багышей в районе Жеты-Огуза и т. п. и т. п.

Этот пример и аналогичные ему, а их можно привести сколько угодно, свидетельствует о перемешанности не только родов между собой, но и отдельных мелких подразделений, входящих в родо-племенные группы. Изучение всего этого — дело этнографов и историков данного народа.

Другой не менее важной причиной, способствовавшей языковому взаимодействию между тюркскими языками на территории Средней Азии и Казахстана, были те огромные народные переселения, которыми так богата предшествующая история этих народов. Переселения вызывались не только войнами, которые непрерывно велись на данной территории за захват власти, но и мирными перекочевками, поисками лучших пастбищ, что, впрочем, также не обходилось без столкновений между отдельными родовыми группами, когда ущемлялись интересы того или иного рода.

Времена Чингиз-хана и его ближайших преемников являются наиболее характерными в смысле передвижений родо-племенных групп и появления перемешанных тюркоязычных массивов. Это объясняется тем, что тюркские племена, входившие составными военно-административными единицами (тысячи, сотни и т. п.) в войсковые объединения Чингиз-хана и чингизидов, принимали участие в военных походах на громадных пространствах. В результате отдельные тюркские родо-племенные группы оказались разбросанными по всей территории Монгольской империи. Не исключено, что стремление раздробить и разбросать, а затем перемешать и перетасовать тюркские родо-племенные группы составляло одну из сторон политики чингизидов. Осколки тюркских родо-племенных групп, разбросанные на громадной территории и лишенные возможности объединения и сопротивления, часто оставались на последних местах своего пребывания, расширяя, таким образом, тюркоязычные массивы или образо-

ывая новые тюркоязычные островки на инотюркском этническом субстрате.

Наконец, следует указать и на экономические связи между отдельными тюркоязычными народами, например, киргизами и узбеками, узбеками и казахами и т. п. и т. д., также способствовавшие образованию групп со смешанными лингвистическими показателями в результате языкового взаимодействия, а иногда и вследствие иных, более близких отношений. Эти обстоятельства — наличие родственных связей между отдельными родо-племенными группами, позднее вошедшими в более мощные объединения, непрерывные передвижения народов на данной территории, — предопределили сложное этно-лингвистическое развитие и появление диалектной пестроты в составе отдельных национальных коллективов, в первую очередь у узбеков. У них мы находим не только переплетение языковых связей между различными тюркскими родо-племенными группами, но между ними и иноязычными элементами, значительный процент которых в составе узбекского языкового коллектива привел к появлению особой диалектной группы, отсутствующей в диалектном комплексе киргизского, казахского, туркменского и каракалпакского языков.

Если взглянуть на состав ингредиентов в историческом плане и схематично представить в хронологической последовательности проникновение тюркских племен на территорию современного Узбекистана, то получим примерно следующую картину, если, конечно, мерить широкими масштабами и вести счет по официальным вехам.

Наиболее ранними пришельцами являются древнейшие тюркские племена, как, например, кангуй, отмеченные китайскими летописями, датируемыми II в. до нашей эры, и под которыми, как допускают исследователи, скрывалось тюркское племя канглы. Последовательное проникновение карлуков в VIII в., интенсивный приток кыпчаков и огузов в X в., мощная волна тюркоязычных пополнений в караханидскую эпоху (XI в.) изменили соотношение тюркских и инотюркских этнических элементов, вследствие чего изменился и характер языковой связи.

Известно, что караханиды не представляли собой монолитной единицы ни в языковом, ни в этническом отношениях. Это был конгломерат тюркских племен, временно объединенных в сравнительно непрочный военно-административный союз. Среди племен, входивших в караханидский союз, ведущую роль играли карлуки и чигили (духагиль), которые оказали сильное ассимилирующее действие на население Ферганы, находясь с ним в тесном языковом контакте. Не менее важная роль в этом союзе племен принадлежала и уйгурам.

Последним существенным слагаемым в этногенетическом процессе узбекского народа и в формировании диалектного комплекса узбекского языка явились узбеки времен Абулхайра и Шейбани (XVI в.). Это пополнение усилило формировавшийся этнос и языковую общность, впоследствии легшую в основу национального узбекского языка.

В таком плане представляется сложение тюркского компонента узбекского языка, отдельные элементы которого прослеживаются и в истории развития киргизского языка, свидетельствуя о генеалогических языковых отношениях, имевших место в истории развития данных народов. В составе этого тюркского компонента прослеживаются элементы различных тюркских родо-племенных групп, исторически общих многим тюркским народам. Это одна часть вопроса, правильное решение которой возможно только на общем фоне среднеазиатской истории.

Сложившийся в результате консолидации тюркских родо-племенных групп, на протяжении длительного времени оседавших на территории нынешнего Узбекистана, узбекский национальный коллектив в языковом отношении объединил представителей трех групп тюркских языков:

1) Юго-восточной, куда относится подавляющее большинство узбекских городских говоров, условно называемых нами «карлукскими», литературный узбекский язык и старый письменный язык, неверно называвшийся чагатайским. В эту же группу входит и новоуйгурский или таранчино-кашгарский язык.

2) Юго-западной — огузское наречие узбекского языка; сюда же относится туркменский язык.

3) Северо-западной — кыпчакское наречие узбекского языка, представленное многочисленными «джекающими» говорами. К северо-западной группе тюркских языков относятся казахский, каракалпакский и киргизский языки.

Но есть и другая, инотюркская языковая часть вопроса, вскользь уже упомянутая выше. Эта часть касается главным образом узбекского языкового коллектива и в этом смысле может считаться характерной для определенных, именно городских говоров узбекского языка. Действительно инотюркский этнический компонент сыграл немаловажную роль в этногенетическом процессе узбекского народа. Здесь прежде всего следует указать на таджиков, доля участия которых в формировании городских говоров узбекского языка значительна.

Таким образом, сумма историко-антропологических данных, подкрепленная соответствующей лингвистической аргументацией, позволяет установить два фактора, оказавшихся решающими в этногенетическом процессе узбекского народа и обусловивших, в свою очередь, появление имеющегося диалектного многообразия узбекского языка. Мы имеем в виду:

1) взаимодействие различных тюркских родо-племенных групп, в разное время мигрировавших на территорию современного нам Узбекистана и

2) участие в этногенетическом процессе иноязычных (инотюркских), главным образом согдийских и таджикских, этнических элементов.

Нужно сказать, что эти факторы в известной степени оказываются характерными и для некоторых южных говоров киргизского языка, но соотношение указанных ингредиентов, конечно, принципиально отлично от соотношения их в ферганских говорах, соседящих с южно-киргизскими говорами.

Южные киргизы длительное время находились в тесном контакте с узбеками, а частично и с таджиками, что не могло не отразиться на их языке, быте и культуре. (К. Юдахин. «Из лаялякских материалов», стр. 29). Любопытные факты в этом отношении приводят проф. К. К. Юдахин и другие исследователи о значительной «узбекизации» юга Киргизии. Причем, в этом процессе языкового взаимодействия южно-киргизских говоров с наречиями узбекского языка выступают два узбекских наречия из трех, т. е. карлукско-уйгурское и кыпчакское.

Рассматривая киргизский язык в составе двух его наречий (северное и южное) и диалектный комплекс узбекского языка, включающий в себя три наречия, в смысле наличия признаков, сближающих наречия киргизского языка с наречиями узбекского, можно установить следующие категории фонетических и лексико-грамматических признаков:

1. Признаки, прослеживаемые и в киргизском языке, и в кыпчакском наречии узбекского языка.

2. Признаки, возникшие в результате взаимодействия отдельных говоров южного наречия киргизского языка с узбекскими говорами Ферганской долины.

К первой категории признаков, общих и киргизскому языку, и кыпчакскому наречию узбекского языка, относятся:

Джеканье, т. е. наличие дж вместо начального й других тюркских языков, например, уйгурского, и ж — казахского языка. Таким образом, начальное дж свойственно и киргизскому языку, и кыпчакскому диалекту узбекского языка, в процентном отношении составляющему значительную часть диалектного комплекса узбекского языка и разбросанного по всей территории Узбекистана.

Рассматривая киргизский, узбекский и казахский литературные языки с этой точки зрения, можно, конечно, говорить о наличии специфической фонетической черты в виде чередования дж (ж) || й в начале слова. Это анлаутное чередование представляет собой один из существенных классификационных фонетических признаков.

Примеры: кир., кыпчак. узб. **джол**, казах. **жол**, уйг., карлук. узб. **йол** — дорога, путь; кир., кыпчак. узб. **джыл**, казах. **жыл**, уйг., карлук. узб. **йіл**, в уйгурских говорах **жіл** — год; кир., кыпчак. узб. **джаз**, казах. **жаз**, уйгурск. карлук. узб. **йаз**, **йоз** — пиши; кир., кыпчак. узб. **джакшы**, **джахши**, казах. **жаксы**, уйгурск., карлук. узб. **йахші** — хорошо, хороший; кир., кыпчак. узб. **джаман**, казах. **жаман**, уйгурск., карлук. узб. **йаман** — плохой.

Случаи, составляющие исключение из данной нормы по языкам, наречиям и диалектам, не могут быть сведены к определенному, строго установленному количеству примеров. В северном наречии киргизского языка, как и в некоторых кыпчакско-узбекских говорах, чередование дж || й в начале слова позиционно обусловлено: на стыке двух слов после исходного гласного предшествующего слова (— в интервокальной позиции) аффриката дж реализуется в виде й. Эта факультативная спирантизация для киргизского литературного языка отмечена проф. И. А. Батмановым в его работе «Фонетическая система современного киргизского языка» (Фрунзе, 1946):

Жакшы жигит произн. жакшы йигит — добрый молодец; атасы жетимиш жашта произн. атасы еtimiш жашта — его отцу 70 лет (стр. 38).

Ср. кыпчакск. узб. аты джакшы > аты йахшы — его лошадь хорошая; бараджатыр > барайатыр — он в данный момент едет; алтыджуз > алты йуз — шестьсот; экки джуз > экки йуз — двести.

Что же касается южного киргизского диалекта и кыпчакских (джекающих) говоров узбекского языка (в том числе и фергано-каракалпакский говор), то в них наблюдаются комбинаторно-факультативные вариации дж > < й в начале слова. При этом в чередовании дж || й обнаруживается неустойчивость, свидетельствующая об отсутствии константности в дж > < й в начале одних и тех же слов.

Примеры из говоров южно-киргизского диалекта: джакшы || йакшы — хороший, джол || йол — дорога, джаз || йаз — пиши, бир джарым || бир йарым — полтора, джыйырма беш || йигирма беш — двадцать пять, беш джыл || беш йыл — пять лет.

Факты говорят о том, что спирантизация дж > й в южных киргизских говорах развивалась в результате стыка киргизских говоров с узбекскими и что этот процесс затронул все говоры, в том числе и октябрьский. Возможно, что в октябрьском говоре «исключений» с анлаутным й вместо

дж меньше, чем в других южно-киргизских говорах и кыпчакских узбекских говорах, а также и в ферганско-каракалпакском говоре, но то, что он есть, не может быть отвергнуто. В отдельных случаях переход дж > й в говорах принимает закономерный характер.

В кыпчакских узбекских говорах, как и в говорах южного наречия киргизского языка, изменение начального дж в типично тюркских словах шло в сторону восстановления интактной формы, тогда как в казахском (частично и каракалпакском) языке фонетическая эволюция привела к утрате смычного элемента аффрикаты. Полную спирантизацию аффрикаты дж в казахском языке (как и факультативную спирантизацию в каракалпакском) следует рассматривать в связи с наличием двух других переходов, отсутствующих в киргизском, уйгурском и узбекском языках, но характерных для казахского и каракалпакского языков.

Мы имеем в виду

- а) спирантизацию ч (тш > ш),
- б) переход ш > с.

Сохранение звука ч без перехода его в ш, и сохранение звука ш без перехода его в с свойственно и киргизскому, и узбекскому, и уйгурскому языку. В этом отношении три указанных языка представляют единство, а казахский — исключение, где закономерными являются переходы ч > ш и ш > с:

киргиз., узбек., уйгур. үч || казах. үш — три; киргиз., уйгур. чай, узбек. чой/казах. шай > шэй — чай; киргиз., уйгур. баш, узбек. бош || казах. бас — голова; киргиз., узбек. беш, уйгур. бэш || казах. бес — пять.

К признакам второй категории относятся показатели фонетического и лексического порядка, возникшие в результате одностороннего влияния узбекских говоров Ферганской долины на южно-киргизские говоры. Наиболее характерные из них следующие:

1) Появление в южных киргизских говорах звуков э и э не в результате дивергенции типично тюркского заднерядного а на два принципиальных звука, как в ташкентском говоре узбекского языка, а в качестве сосуществующих звуков, возникших под влиянием узбекских говоров городского типа.

Сосуществование трех звуков нижнего подъема а, э, э мы обнаруживаем в ряде городских говоров Ферганской долины (напр., маргеланском, андижанском, наманганском и др.), что вполне закономерно нашло отражение и в южных киргизских говорах. Однако не во всех из них и э выступают в качестве принципиально отличных звукотипов, нагруженных словоразличительными функциями, а носят промежуточный характер между фонемой и независимыми вариантами фонемы, поскольку употребление „э“ и „э“ позиционно не обусловлено. Это замечание касается главным образом слегка огубленного звука «а», который встречается в некоторых южно-киргизских говорах, например, в ноокатском, и рассматривается не как принципиально отличная единица вокализма, а как звук, вошедший в состав определенного количества узбекских слов и не нагруженный пока словоразличительными функциями. Таким образом, типично узбекская черта ферганского вокализма (я имею в виду при этом не только городские узбекские говоры карлукского наречия, но и кыпчакский джекающий диалект) в южных говорах киргизского языка встречается только спорадически. Совершенно иное следует сказать об усвоении звука э.

Переднерядный звук нижнего подъема «э» в обследованных южно-киргизских говорах имеет широкое распространение и является принципиаль-

но отличным звукотипом, т. е. фонемой, количественно дифференцируемой. Исследователи киргизских говоров появление фонемы «э» относят либо за счет влияния узбекских говоров, либо усматривают причины появления «э», кроющиеся в самой природе историко-фонетической эволюции, которая и привела к зарождению данного звука. При этом здесь мы имеем не две точки зрения на одно фонетическое явление, возникшее в одних и тех же условиях, а два вывода, каждый из которых базируется на изучении фактического материала и отражает действительное положение вещей в пределах заданной темы.

Проф. К. К. Юдахин, касаясь вопроса о происхождении э, говорит, «... что та часть современного киргизского народа, в языке которой надна фонема э, имела ее еще до вхождения в состав киргизского национального коллектива (особенно это относится к киргизам. отдела ичкилик)». («Из лиялякских материалов», стр. 33).

Этот вывод проф. К. К. Юдахина вполне гармонирует с историко-этнографическими данными об ичкиликах, представляющих в основе своей инокиргизский этнический элемент, сложившийся из различных тюркских родоплеменных групп, в частности осколов найманов, кыпчаков и др. И вполне естественно, что один из ингредientes, входивших в союз ичкилик, отличался именно наличием фонемы «э», которая и продолжает существовать параллельно фонеме «э» в узбекских смежных говорах, местами и независимо от нее. В том, что появление в языке фонемы э возможно и без участия приходящих факторов, убеждают нас примеры из ряда тюркских языков. Этот процесс — процесс усвоения звука «э» — происходит сейчас в каракалпакском языке.

Вывод проф. К. К. Юдахина об интактном характере э в некоторых южных говорах киргизского языка не исключает возможности взаимовлияния и одностороннего действия в пределах родственных языков. Наоборот, он указывает исследователям более правильный путь решения вопроса, при котором в первую очередь должна учитываться историческая перспектива формирования и развития каждого исследуемого лингвистического объекта в отдельности, а также все те сдвиги, которые происходили и могли происходить в истории развития отдельных лингвистических аспектов. «Предлагать какое-либо определенное решение вопроса, — пишет проф. К. К. Юдахин, — было бы рано, т. к. детальное обследование киргизских диалектов у нас только еще начинается и надежных материалов еще слишком мало, но предположительное решение все же высказать можно. Это предположительное решение нужно искать в родоплеменном делении киргизов и последующем формировании их в единый народ» (там же, стр. 33).

Не исключаются, как видим, и явления позднейшего порядка, возникающие в языке в результате взаимодействия и контакта двух (или даже трех) языков, если, конечно, наличие и жизненность того или иного языкового факта подтверждается проверенным фактическим материалом.

Узбекское влияние на известные южно-киргизские говоры в части усвоения ими фонемы «э» отрицать нельзя. В этом отношении, конечно, прав проф. И. А. Батманов, а вслед за ним К. О. Бакеев и М. Тураджанова, усмотревшие в этом фонологическом факте — появлении ранее несвойственной говорам фонемы «э» — несомненное узбекское влияние без каких-либо оговорок. Действительно, фактический материал по говорам убеждает нас в этом.

Фонема э в обследованных южно-киргизских говорах (в ноокатском, тулейкенском, октябрьском) выступает в любых словарных позициях, об-

ладая широким диапазоном употребления. Она употребляется не только в словах, вошедших в говоры из узбекского и через узбекский язык, но и выступает заместителем ряда фонем киргизского языка.

Несколько примеров на слова, вошедшие в южные киргизские говоры (ноокатский, тулейкенский, октябрьский) из узбекского языка:

кәттә || узб. кәттә—большой

рәс || узб. карлук. рәс (т) || узб. кыпчак. рәс—правда

кәнәп || узб. карлук. кәнәп || узб. кыпчак. кәнәп—конопля

тәкә || узб. тәкә—козел

кәллә || узб. кәллә—голова

кәм || узб. кәм—мало

кәсә || узб. карлук. кәсә || узб. кыпчак. кәсә—чашка

кәсәл || узб. кәсәл—больной

кәл || узб. кәл—плешивый

кәрәм || узб. кәрәм—капуста и т. п. и т. д.

Несколько примеров на замещение звуком ә в южных говорах звуков е (э), а, ө литературного киргизского языка:

кәмәкем—мало

гәпәкеп—слово, речь

кәсәәкесә—чашка

әскерәскер—армеец, армия

шәәрәшаар—город

тәмәкиәтамеки—табак

өкүмәт/үкүмәтәөкүмәт—правительство

дүкәртәдүкәрт—ножнички.

Фонема ә в южных говорах дифференцируется, и количественно — она может быть краткой и долгой, что является дополнительным свидетельством о том, что мы имеем дело именно с фонемой, принципиально отличной единицей вокализма этих говоров, служащей для смысловых различения и этимологически восходящей, в значительной части случаев, к узбекскому языку.

Проф. К. К. Юдахин в цитированной уже работе («Из лаялякских материалов») обращает внимание на переход открытого «о» в «ә»: узб. доръ, дору > южн. кирг. дәри (лекарство), но оставляет без ответа вопрос: «где же источник ә для местного киргизского говора?». Мы склонны и здесь усмотреть влияние узбекских говоров, но не городских, а кыпчакских, где открытое «о» в таджикском слове дору дает рефлекс ә; ср. другой пример: узб. лит. дар'ё, в кыпчакских—дәрийә < дәйре. Эту форму слова мы находим и в южно-киргизских говорах. Смягчающее действие р на а в смысле перехода его в ә—явление обычное в кыпчакских говорах узбекского языка.

За счет несомненного узбекского влияния следует отнести и появление в южно-киргизских говорах согласных звуков, отсутствующих в северных говорах этого языка.

1. Появление звука һ: һәр—каждый, һеч—ни (отрицание), һәм—все.

2. Появление звука х, хотя и с ограниченным употреблением. Например: пакта||пахта, джакшы||джахшы.

В данном случае можно говорить только о влиянии городских говоров узбекского языка на южно-киргизские, а не кыпчакских узбеков, которые по употреблению звука х мало чем отличаются от южно-киргизских.

Отсутствию фонемы х не противоречит то обстоятельство, что в отдельных случаях, часто позиционно необусловленных, звук х может заменять кь на правах комбинаторно-факультативного варианта. Эта факультативная спирализация в одинаковой мере свойственна и кыпчакским узбекским говорам Ферганы, и южно-киргизским. Причем, появление х — факультативная спирализация кь>х (прослеживается не только вместо исконного кь, но и вместо вторичного кь, возникшего из х; ср., напр.: джакшы джахшы ѝяхшы — хороший, токъсан ѝтохсан — девять, къатѝхат — письмо, окуѝоуху — учи).

3. Появление звука в (губно-губного, а не губно-зубного, как в русском языке): волуп<болуп — будучи, жазыватам<жазыпатам — я пишу (в данный момент), вакъ—время.

4. Чем, как только не узбекским влиянием, можно объяснить закрепление аффиксального л после звонких и глухих согласных в некоторых южных говорах, напр., в октябрьском говоре киргизского языка; ср. север. и лит. кир. айалдар || октябрьск. эйэллэр — женщины; север. и лит. кир. эркектер || октябрьск. эркэклэр — мужчины; север. и лит. кир. кептер || октябрьск. гәплэр — разговоры.

Эта узбекская фонетическая черта закрепились в говоре не только в аффиксе множественного числа -лар || -лэр, но и аффиксах -ла || -лэ, -лык || -лик, -луу.

Многую перечислены некоторые общеизвестные факты фонетического порядка, о природе которых не может быть двойного суждения. Но взаимовлияние двух родственных языков не исчерпывается только изменениями, происходящими в фонетических системах, — значительно ярче этот процесс языковых стыков отражается в лексике языка.

В южно-киргизские говоры из узбекского языка (ферганских карлукских и кыпчакских говоров) проникло много слов, относящихся к области культуры, быта, хозяйства и проч., напр.:

кәсәл — больной,
кәллә — голова,
кәттә — большой,
нәк — груша,
әкесәкә — старший брат,
әсәл — мед,
укә — младший брат,
кәл — плешивый,
пийада — пешком,
анар — гранат,
пакыр — ведро,
пәллә — чашка весов,
сыйыр, наряду с мал, — корова,
дәрчә — форточка,
әнжир — инжир,
тәнггә — 20 копеек,
кәрәм — капуста,
гөш — мясо,
пистә — 1) фисташка, 2) семечки (подсолнуха),
ший — потолок,
мәкә — кукуруза,
таш — 8 километров,
пәтир — сдобная лепешка,
шәкәр — сахарный песок и т. п. и т. д.

Лексическая часть заимствования значительна. Особый интерес представляет сельскохозяйственная терминология, особенно по культуре хлопка, шелководству, садоводству и т. п. Можно было бы остановиться на каждом терминологическом комплексе в отдельности, но в данном случае в таком изложении нет необходимости, поскольку сообщение касается вопроса вообще, а для иллюстрации и правильного суждения о характере киргизско-узбекских языковых связей достаточно тех фактов, которые мною приведены.
